Мало того, даже в этой вонючей канализационной камере, где окружающая среда была грязной и отвратительной, концентрация духовной ци была более чем в пять раз выше, чем во внешнем мире!

Это было то, чего не могли сделать многие массивы сбора духов. Однако только потому, что здесь сидел человек, окружающая духовная ци самопроизвольно становилась плотной. Это было просто смешно.

Талант этого человека был совершенно беспрецедентным в жизни Цзян Ли.

Если бы он вступил на путь культивации, то можно было бы с уверенностью сказать, что он сможет продвигаться вперед скачками.

Даже если Цзян Ли схитрит, трудно сказать, сможет ли он превзойти соперника.

"Спасибо, что вернул мне Шантина".

Юноша в клетке сидел в грязной воде и кланялся Цзян Ли.

Как только он заговорил, Король Кунду, который прятался у входа, был потрясен. Он закричал и уполз.

После десяти лет заточения в этой канализационной камере этот парень не только не умер, но и мог ясно и свободно говорить, хотя никто никогда не учил его этому языку.

В глазах невежественных смертных, если это не демон, то что еще может быть?

Поэтому король Кунду бежал.

Однако проблема заключалась в том, что после того, как тот парень забрался наверх, возможно, потому что он был слишком напуган или потому что он делал это специально, он на самом деле закрыл люк!

Разве это не лишило Цзян Ли свободы?

Смертный поступил с Цзян Ли так грубо, независимо от того, намеренно или нет, он рыл себе могилу.

Духовный огонь в руке Цзян Ли вспыхнул, и он уже собирался броситься из камеры и сжечь короля в пепел.

Однако в этот момент юноша снова остановил его.

"Благодетель, пожалуйста, простите грубость моего отца. Я, Цю Шуй, готов страдать за него".

В его слабом голосе звучала решимость. В его сердце не было ненависти. Наоборот, он был готов пожертвовать своей жизнью ради такого парня.

Цзян Ли сделал небольшую паузу и не стал дальше убеждать юношу.

Он не стал спорить с юношей о том, кто прав, а кто виноват.

В мире культивации правота и неправота никогда не были самыми важными вещами.

Подумав, он вернул пламя в руку Цзян Ли.

Затем яркое пламя Духа Ликерного Огня на его ладони превратилось в бледное пламя Призрачного Фонаря.

Цзян Ли протянул руку и передал Холодное Пламя Призрачного Фонаря другой стороне.

"Ты уверен, что сможешь вытерпеть страдания ради него?"

Молодой человек улыбнулся.

"Страдания - это моя судьба. Спасибо за понимание".

Юноша, называвший себя Цю Шуй, нисколько не колебался и протянул правую руку в холодное пламя.

Он действительно хотел отплатить злу добром и вынести страдания преступника.

Однако Цзян Ли удивило не это, а то, что душа другого человека не была сожжена пламенем.

Это означало, что другой человек не был одержим экспертом. Если бы душа была одержима и переродилась через утробу матери, душа и тело определенно не смогли бы полностью слиться воедино. При сжигании холодным пламенем Призрачного Фонаря обнаруживался изъян.

Только полностью совместимое тело могло защитить душу от Холодного Пламени Призрачного Фонаря.

Теоретически, без реинкарнации никто не мог пробудить интеллект своей предыдущей жизни.

Это было потому, что у них не было предыдущей жизни, так что как они могли пробудиться?

Разве что... это была крайне редкая ситуация, о которой часто говорили в мире культивации.

Реинкарнация бессмертного или Будды?!

1

Самого Цзян Ли бесчисленное количество раз считали реинкарнацией бессмертного или Будды. Поговаривали, что подобная ситуация возникала и в еще более обширном Центральном регионе континента Лазурного Облака.

Он не был уверен, но выражение его глаз становилось все более и более серьезным.

"Цю Шуй, это то имя, которое ты сам себе дал?"

Юноша кивнул и стал гладить по душе белого щенка на своих руках.

"Ты пробыл здесь десять лет. Эти страдания не должны достаться тебе. Готов ли ты покинуть это место вместе со мной?"

Когда Цзян Ли увидел такое существо, не говоря уже о запасном клоне Сутры Сердца Бодхисаттвы, он должен был притянуть его к себе, несмотря ни на что, и сначала накормить его плодом Девяти Нитей Земли.

Однако его предложение спасти Цю Шуя было отвергнуто другой стороной.

"Благодетель, ты не прав".

"Все в мире страдают, но никто не может спастись. Вкус страданий - это то, что даже я могу вынести".

"Я не боюсь боли тела и разума. Я готов лишь оставаться здесь и спокойно думать о том, как спасти страдающих".

"Спасибо за заботу, Благодетель. Если в мире будет больше таких людей, как вы, то мир воцарится".

Юноша Цю Шуй не расстраивался из-за своей несчастной жизни. Слова, которые он произнес, были еще более благожелательными, как у опытного монаха.

Он поднял глаза на Цзян Ли и, казалось, увидел добродетельный духовный свет на главном теле Цзян Ли через клон Божественной Статуи и одобрительно кивнул.

Цзян Ли поднял брови. Сидящий перед ним человек не был похож на юношу, который страдал 10 лет.

Одной этой осанки было достаточно, чтобы говорить с ним на равных.

Возможно, этот Цю Шуй был реинкарнацией Будды?

Цзян Ли сдержал себя от мысли убить его. У него было чувство, что пока он будет думать об этом, другая сторона сможет все понять.

Тем не менее, он все равно должен был забрать его.

"Младший брат Цю Шуй посвятил себя спасению страждущих. Я восхищаюсь твоим стремлением".

"Однако, эта тюрьма пуста, и страдания уже решены. Брату Цю Шуй нет смысла оставаться здесь".

"Так получилось, что я знаю место, где день и ночь раздаются бесконечные крики. Оно такое же горькое, как адская бездна.

Интересно, брат Цю Шуй согласен пойти туда? Ты можешь спасти их от страданий".

Буддийские культиваторы отличались от обычных культиваторов. Они должны были культивировать свое психическое состояние и поддерживать Буддийское Сердце.

Как только человек подтверждал свою веру, какой бы нелепой она ни была, зачастую пути назад уже не было.

Если человек сомневался в своих убеждениях, не исключено, что его убеждения рухнут, а культивация исчезнет. Он мог даже умереть на месте.

Страдая от трудностей и спасая мир, он выглядел мазохистом и глупцом.

Однако, когда другая сторона страдала, быстро становясь сильнее, она понимала, что такое

великая мудрость. Кто же на самом деле глуп?

Поэтому Цзян Ли вовсе не собирался убеждать собеседника передумать. Это не спасло бы его, а помешало бы ему достичь цели, по которой он шел. Они были непримиримыми врагами.

Однако против такого человека, если он будет следовать словам собеседника, эффект будет гораздо лучше.

Конечно, когда он услышал, что его ждут новые страдания, первоначально решительное выражение лица Цю Шуя сразу же изменилось.

"Благодетель, пожалуйста, ведите меня. Я не буду колебаться, независимо от трудностей".

"Это хорошо!"

Цзян Ли взмахнул рукой, и железная клетка, в которой оказался Цю Шуй, разлетелась на куски. Цепи, сковывающие его левую ногу, тоже легко порвались, как бумага.

Затем под ними появилась лотосовая платформа, которая протащила их через дворец и унесла вдаль.

Врата Ада поднялись с земли. Зловещая аура, исходившая от них, не только не заставила Цю Шуя почувствовать страх, но и придала его взгляду еще больше решимости.

Это место казалось более подходящим для него.

Они вдвоем вошли внутрь. Культиваторы Скрытой Скалы и люди из Процветающей гостиницы Цзян Хун также вошли в один ряд. Затем адские врата опустились. В одно мгновение все исчезли с этой территории.

В это же время в храме, расположенном в 500 километрах от него, старый монах лежал на земле с поднятым задом. Он внимательно прислушивался к чему-то, прижав ухо к земле.

Мгновение спустя старый монах поднялся с земли. Было видно, что к его уху прилипло белое собачье ухо.

"Люди из Союза Великой Горы ушли".

"Они забрали этого странного ребенка. Есть ли какая-нибудь тайна об этом ребенке?"

пробормотал про себя старый монах. В то же время он оторвал ухо собаки. Из ушного отверстия тут же потекла струйка крови. Она капала на землю и быстро образовала лужу крови.

Однако старому монаху было все равно. Он просто положил собачьи уши в деревянный ящик.

В деревянном ящике спокойно лежало еще одно белое собачье ухо.

На одном из них было написано слово "Шань", а на другом - "Тинг".

"Хорошее сокровище, хорошее сокровище. Они уже ушли. Никто тебя не похитит".

Старый монах спрятал деревянную шкатулку и вернулся на свой коврик для медитации.

Ранее он использовал собачье ухо, чтобы подслушать шум в 500 километрах от него, и повредил свою Душу Сущности. Вскоре после этого он уже был неизвестен.

Однако он не знал, что в храм Восьми Путей уже пробралась крыса, охотящаяся за сокровищами.

2

http://tl.rulate.ru/book/75163/2291129